

На пути к Христианской экономической науке

Говоря о кризисе экономическом как о кризисе духовном, мы тем самым говорим о хозяйственной природе жизни – о единстве материального и духовного. Именно духовность, но не спириатуализированная игра в духовность и не попытка говорить о духовном, используя либо неопределимые понятия (как бы повисшие в воздухе слова), либо понятия, определяемые спекулятивно, исключительно по правилам игры в науку.– О кризисе духовном (при внешнем благообразии и благополучии в нынешнее переходное время) свидетельствует не только и не столько все то, что всегда являет с собой лицемерие и фарисейство (в каком-то смысле обусловленных институциональными правилами игры в духовность, когда под видом одного может делаться другое), но прежде всего, невосприимчивость (не без фарисейского влияния) и даже признаки забвения того бесценного духовного опыта, опыта всенародного, который был передан нам нашими отцами и дедами, нашими великими соотечественниками, по историческим меркам совсем недавно – со времени Великой Отечественной войны, великой Победы в ней (победы в том числе экономической), и времени послевоенного восстановления экономики.

Потому сегодня мы должны вновь и вновь говорить, что всенародный и святой подвиг времен войны во имя всечеловеческой победы жизни над смертью совершался не ради славы, без стремления к наградам и какому-либо вознаграждению. Миллионы павших, *“Все отдав, не оставили Ничего при себе”*, как пишет Александр Твардовский. Миллионами наших соотечественников, простых людей, чуждых духу потребительства и комфорта, была принесена всенародная, соборная жертва во имя Жизни, Победы одной на всех, победы всечеловеческой. И мы знаем, что павшие положили основание для нашего сегодняшнего благополучия, передав нам право на саму жизнь; ОНИ – БЛАЖЕННЫЕ МИРОТВОРЦЫ – СВЯТЫ в нашей культуре сохранения жизни и миротворчества...

В определенном смысле о фарисействе (с прочтением сегодня и таким переводом в контекст хозяйственной природы жизни) пишет в *“Живых и мертвых”* Константин Симонов: *“Кто за чужой счет добрый, тот сволочь”*, то есть – лукавый. Уже отсюда в духе преемственности победы следует, что быть русским, быть россиянином – это не быть за чужой счет добрым, быть добрым не за чужой счет. По отношению и к ныне живущим и к будущим поколениям, с чувством долга по отношению к уже ушедшим. Постараемся исследовать эти собственно духовные основания со стороны науки, не противопоставляя при этом науку и религию.

На каком языке – то есть пользуясь какими словами и понятиями – можно пытаться осмысленно говорить о *Христианской экономической науке*? – и почему о “науке”, а не об экономическом “учении”? Какие существуют мировоззренческие и научные предпосылки, и почему собственно должна существовать такая наука, о которой мы говорим именно как о *Христианской*? Попробуем подойти к ответу на этот первоначальный вопрос, пользуясь наблюдениями Альберта Эйнштейна, изложенные им в статье 1949-го года под названием *“Почему социализм?”* (на Московском экономическом форуме наш выдающийся физик Жорес Алферов обратил внимание на необходимость ознакомления с этой работой).

Нынешний глобальный экономический уклад характеризуется в данной статье как *“хищнический”*, а цель социализма состоит в *“преодолении хищнической стадии человеческого развития”*; при этом современная экономическая наука может *пролить мало света на то, каким будет социалистическое общество будущего...* Социализм, пишет Эйнштейн, *направлен не на направление к социально-этическому концу*. В доступном

в интернете русском переводе статьи английское слово “end” (что буквально означает “конец”) переводится русским словом “цель”. Таким образом, получается, что *социализм направлен к социально-этической цели*... Обращая внимание на особенности языковых средств выражения, мы тем самым обращаем внимание на вопросы эсхатологические применительно к хозяйству, некий конец времен через призму рассмотрения хозяйства с его целеполаганием... Итак, есть ли у хозяйства эсхатология? – Эйнштейн не задается этим вопросом, оставаясь в своих рассуждениях на стороне науки и не переходя на сторону религии, однако, его возможный ответ на этот наш вопрос сегодня содержится в статье, где говорится о том, что *неограниченная конкуренция ведет к громадным потерям труда и калечит социальное сознание*... Альберт Эйнштейн рассматривает как главное зло капитализма тот факт, что он *калечит человеческую личность*...

Итак, следует заметить, что утверждения и выводы, которые делает великий физик, находятся на границе научного и общекультурного, психологического и духовного пространств. Именно в силу этого эти центральные смысловые утверждения его статьи сохраняют свою силу и по сей день. Таким образом, непосредственной целью нашего рассмотрения будет взгляд как со стороны психологического (душевного) пространства, так и со стороны пространства духовного, с поиском тех утверждений, которые связывают эти пространства. Христианская эсхатология хозяйства в этом свете видится как открывающаяся перспектива становления экологического труда в соборном творчестве людей, перспектива восстановительного (воссозидательного) становлении жизни.

Обратимся к молитве *Отче Наш... И остави нам долги наши, яко мы оставляем должником нашим*... Мы задаемся главным вопросом – при каких условиях *разрешаются долги?*¹ – в конце концов, мы отвечаем на вопрос о природе хозяйственной жизни в единстве материального и духовного и о том, *что же такое богатство*...

Мы знаем, что Христианская победа жизни над смертью – одна на всех, для всех народов, это победа всечеловеческая, вселенская... уже отсюда следует, что концептуальной предпосылкой *разрешения долгов* (и это согласуется с духом христианского учения) является видение всего человечества как единого, трансцендентного субъекта одного на всех хозяйства – таким образом реализуются условия, при которых отдельно взятое благосостояние не обеспечивается за чужой счет, а сама жизнь не оценивается ценой, потому что она бесценна, бесценна в единении с милостью, из которой творится мир каждое мгновение жизни (*вспомним евангельское милости хочу, а не жертвы*...).

Представление о *жизни как ценности, не оцениваемой ценой, этой благословенной жизни не за чужой счет*, позволяет связать психологические и духовные пространства таким образом, что всякий “дар” в единстве земного и небесного и становится собственно даром, даром духовным... *даром получили даром и отдавайте*... И этот дар не переводится в собственность, объект обладания – иначе он перестает быть даром, тогда реализуются потенциальные условия для получения спекулятивных прибылей и жизни за чужой счет.

Не-стремление к обладанию и позволяет обретаать, снискать духовные дары – без разделения земного и небесного – дары как состояние спасения. *Дух, Который*, по словам апостола Павла *дышит, где хочет*, связывая народы и отдельные личности во всечеловечестве, проявляет себя в полноте времен и в единстве земного и небесного: *ничего не имеет в Себе приобретенного*, и Сам никем и ничем не обладает... Таким образом, важно отметить, что слово “обладание” (подобно словам “интересы” и

¹ Существующие растущие долги в мировой экономике также необходимо представить и “разрешить” в свете теории, которая будет необходимым образом учитывать их.

“целесообразность”), вообще говоря, произносится в психологическом пространстве, в котором сильный всегда “обладает”, мыслится достойным обладания по праву сильного. Однако, духовным даром обладать нельзя: *стремящийся к обладанию в двойственном пространстве становится объектом обладания*, он обладаем соблазном, страстями. В пространстве духовном богатство, например, не может иметь описания в терминах “великого богатства грешников”, и совсем не потому, что это некое “не то”, не “горнее богатство”, а именно потому, что это совсем не богатство. Нам необходимо новое, непротиворечивое, пропущенное через сердце определение этически не-нейтрального богатства, к которому *не прилепляешься*. *Богатство*, по словам Григория Богослова, – *это Бог...* И мы не вправе мыслить себя обладателями этого Богатства, равно как и мыслить Бога обладателем, проецируя на него нашу психологию и понятия человеческие. Это духовная свобода от стремления к обладанию. Говоря, что Бог ведает и знает, мы не вправе сказать, что Бог “обладает” знанием, что у Бога есть “интерес”. Только человеческое тщеславие связано с тем целеполаганием в терминах интересов, что не может не приводить к жизни за чужой счет. Именно поэтому кроткие наследуют Землю без обладания ею и не через гордыню обладания – без превращения в собственность.

Видение человечества единым субъектом хозяйства и духовное действие, которое каждый человек совершает в природе, приводит нас к необходимости представления этого единого действия (в единстве индивидуального и коллективного) на языке экономических энергий цивилизации, в творчестве ее народов, в их духовном единстве в человечестве соборном – во всечеловечестве. Хозяйственная деятельность людей находит свое описание на языке новых понятий энергии социального действия, экономической энергии. Именно экономическая энергия, как функция состояния мировой экономики, и становится тем экономическим богатством цивилизации, которое позволяет осознанно говорить, что деньги становятся деньгами, деньгами не мнимыми, этически нейтральными (которые “не пахнут”), но субстанциональными: в единстве субстанциональных и относительных свойств, их модальностей, когда, будучи носителями энергий социального действия, основанного на использовании тех или иных ресурсов (ресурсов человеческого духа, в конце концов), деньги экологические сохраняют то этически не-нейтральное в каждом так или иначе хозяйственном действии, совершаемом людьми, тем самым сохраняются и возрастают энергии добра в общности соборной, в энергиях социального действия.

Точная наука стремится доказывать, исходя из аксиоматики. Экономическая наука становится наукой точной. Под самой сильной аксиоматикой в духовном смысле понимаются евангельские заповеди блаженства. В полноте своего действия: в полноте времен и единстве земного и небесного. В качестве аксиом второго уровня также рассматриваются математические факты, осознание которых позволяет говорить о единстве человеческой природы и окружающего мира, содержательная интерпретация этих фактов и объектов, обладающих свойствами универсальности, позволяет обосновывать утверждения, возникающие на их основе (давать определения истинности этих утверждений). Это совершается в порядке формулировки соответствующих теорем о хозяйственной природе мира. В интегрированной энерго-экологической стратегии формулируются эти теоремы. В этой новой науке на уровне доказательных утверждений получает обоснование тот факт, что ***деньги – это не капитал, который накапливается, а энергия, которую сохраняют***. Это есть и теоретическое условие “разрешения долгов”.

Какие понятия науки с необходимостью возникают, когда мы говорим о двойственности психологического и духовного пространств – в едином этически не-нейтральном пространстве? – Применяемые математические средства, соединяющие абстрактное с конкретным, и средства их содержательной интерпретации свидетельствуют о необходимости обобщений в терминах ресурсов социального действия (понятие

единичного ресурса и единичного действия над ресурсами), которые становятся ресурсами социальной автотрофности, если благосостояние не обеспечивается за чужой счет. Сами математические объекты рассматриваются с точки зрения условий, при которых они могут выражать этически не-нейтральные понятия (автотрофно-экологическая полезность индивидуальных инвестиций и потребления и связанная с ней гипотезой подобия энергоемкость мировой экономики). Именно ранговое распределение на языке дзета-функции специального вида с рассмотрением единого человечества и энергетической функции состояния мировой экономики и позволяет соотнести то, что в пространстве духовном обозначается выражением “не за чужой счет”, с возможностью сбережения и сохранения. Фундаментальный факт хозяйственной природы мира состоит в том, что *сохраняется то, что не за чужой счет, эффективно и недорого то, что не за чужой счет*. “За чужой счет” – это, по сути, искажение хозяйственной природы через состояние накопления и расхищения ресурсов и экономической энергии, что связано со стремлением к *обладанию* ресурсами. Разделение труда только тогда не воспроизводит жизнь за чужой счет, когда, с точки зрения анализа комплексно-экологической структуры производства и потребления, не воспроизводится установленная (через соответствующие экономические символы веры) система имущественной дифференциации, которая лежит и в основе сословно-пространственной стратификации общества. Такова хозяйственная природа мира, которая должна быть осознана, и уже факт ее осознания способен оказывать изменения в способе действия человека как существа духовного. Именно поэтому вера в культуру сохранения жизни и миротворчества способна преобразовать человека, когда через его сердце проходят те самые энергии творения каждое мгновение жизни (энергии души возрастают через преобразование в действии). И потому действенной становится формула: только понимая деньги как экономическую энергию, мы в состоянии ответить на вопрос – что из того, что мы называем прибылью, прибылью не является.

Задачей Христианской экономической науки (с ее пониманием сребролюбия как страсти, непосредственно связанной с соблазном жить за чужой счет и отсутствием смирения) становится изучение и создание институциональных условий (с рассмотрением триады *природа – культура – хозяйство*), при которых не воспроизводится жизнь за чужой счет, но обеспечивается эффективная занятость населения (как полная занятость при восстановительном природопользовании), что соответствует использованию ресурсов и технологий социальной автотрофности. Быть добрым за чужой счет – значит быть лукавым. И подобно тому, как искупление означает освобождение от власти смерти и лукавой власти, Христианская экономическая наука призвана освободить от власти той существующей экономической науки, задачей которой является обоснование существующего “хищнического” положения вещей. Примечательно, что в ней находят решение открытые теоретические проблемы денег, богатства и экономического роста, непротиворечивых и взаимосвязанных представлений о них (установлен, например, тот факт, что непротиворечивая модель экономического роста возможна в рамках теории субстанциональных мировых денег, и что понятие само эффективности в экономике зависит от способа определения денег). Христианская экономическая наука возникает как наука именно потому, что христианство становится христианством вселенским, соборным и всечеловеческим. В этой связи особого внимания заслуживает доктрина искупления...

Именно духовное экономическое пространство, двойственное пространству психологическому, порождается словами *долг – милость – дар* (они составляют видение искупления как рождения новой Жизни). Именно в этом пространстве искупление совершается через энергии творения в милостивой жертве, жертвы правды: Евангельской, Христианской по духу соборной жертве Великой Отечественной и Второй Мировой, это – энергии творения каждое мгновение жизни, которая творится из милости. Честнейшая пролитая кровь претворяется в энергии творения, и только при этих условиях сам так

называемый “выкуп” есть *духовный дар*, он не мистифицируется, не покупается и не продается (в нем нет оценивания ценой, нет ожидания вознаграждения), и он совершается в энергиях любви, из которых продолжает твориться мир – тогда жизнь не становится этически нейтральной игрой в “цену крови” и цену жизни (нет “цены крови”, поскольку энергии добра бесконечны, а жизнь бесценна). Осознание духовных этих оснований позволяет преодолеть спекулятивное мышление и разделение общества ценой, преодолеть страсть к игре в “культуру” войны. Дары духовные и дары природы (включая природную ренту) не обращаются при этом в собственность: искупление не есть “приобретение для себя”, а его заместительный характер реализуется в понятиях *соборно распределенной собственности и этической не-нейтральности прибыли, неспекулятивной прибыли*.

И коль скоро наш мир продолжает твориться каждое мгновение жизни, это творчество новой жизни в культуре сохранения жизни и миротворчества совершается людьми *в предвоплощенных энергиях социального действия*. Таким образом, если помыслить бога “поручителем”, верховным страхователем (страхование в пользу другого, что равнозначно здесь тому, что бог не мыслится должником), который посылает “в залог” дух, то коллективный долг человечества возникает по отношению к тому, что находится “в залоге” (посланным страхователем “не для себя”), в полноте времен и единстве земного и небесного. И коль скоро человечество не становится кредитором (не переводя дар духа в собственность) по отношению к дарителю, то этот коллективный долг может быть ни чем иным, как только долгом перед самим творением, природой, ее святостью, это – долг преобразования природы (включая человеческую природу) каждое мгновение жизни, в конце концов, это – долг перед соборным человечеством в полноте времен – всечеловечеством. И социальный и экологический аспекты образуют здесь единое обобщение. Святость природы предполагает духовное действие человека в ней. Именно представление о деньгах как экономической энергии реализуется в понятиях социальной экологии. Именно теория мировых субстанциональных денег (и связанная с этим непротиворечивая модель экономического роста) позволяет соединить экономику и экологию, связать психологические и духовные экономические пространства в этически не-нейтральном пространстве. Здесь, на границе, и возникает центральное утверждение, что *деньги – это не капитал, который накапливается, а энергия, которую сохраняют*. И это утверждение доказывается (капитал накопления не существует ни как состояние, ни как процесс для единого человечества и мировой экономики в целом). Отсюда же следует, что в понятии капитала, капитала накопления – ошибка в определении, а его мнимое содержание – это экономическое язычество, поддерживаемое иллюзиями и неведением.

Получаем новое утверждение: *без христианского (в смысле “со всеми и для всех” христианства вселенского) нет социальной экологии, и без социальной экологии нет христианского*. В качестве обоснования этого своего рода принципа дополнительности следует указать, что теоретическую экономику и экологию (как экологию социальную) связывает представление о деньгах как энергетической функции состояния мировой экономики. При этом человечество рассматривается единым, трансцендентным субъектом хозяйства. Аналогичным образом христианство вселенское, без разделения на своих и чужих, без разделения ценой и собственностью, но с одной на всех победой соединяет единое человечество во всечеловечестве. Деньги как экономические энергии цивилизации, энергии конечные, то есть “сходящиеся”, горизонтальные, сочетаются с энергиями социального действия вертикального роста, бесконечными энергиями добра.

Таким образом, этически не-нейтральное богатство как энергетическая функция состояния определяется вещественным и невещественным. Сочетание материального и духовного, их дополнительность, и позволяет вводить в рассмотрение комплекснозначные величины. На границе материального и духовного богатство определяется как дар

взаимного дарения в полноте соборных плодов труда.² И, соответственно этим взаимосвязанным представлениям об экологических деньгах и богатстве, труд, экологический труд, определяется как самоотверженный труд во взаимопомощи и творческой самоотдаче, без стремления к вознаграждению и без стремления управлять сознанием других. В экологическом труде реализуются энергии социального действия.

Так называемый Христианский социализм и социализм экологический (как равенство людей в возможности пользоваться плодами природы) естественным образом интерпретируют друг друга. Если мы их соединим и скажем “христианско-экологический социализм”, то общим для них как раз будет отказ от “прилепленности” к деньгам и богатству, а именно к деньгам и богатству как капиталу. И оба получают единую интерпретацию (с отказом от понятия капитала) в пространстве и времени *геоэкологической соборности человечества*. Это – наша эсхатологическая перспектива в хозяйстве. *Богатство – это Бог*. Существование экономических энергий как энергий социального действия следует уже из этого видения. Григорий Богослов в надгробном слове Горгонии проливает дополнительный свет на хозяйственную природу мира: “...*В уповании на свою благотворительность она не предала тела своего роскоши и необузданному сластолюбию, сему злему и терзающему псу, как случается со многими, которые милосердием к бедным думают купить себе право на роскошную жизнь*”.

Современный анализ комплексно-экологической структуры производства и потребления свидетельствует о том, что взаимосвязанные экономические и экологические проблемы не решаются вне социальной экологии. Если экология теряет право на саму себя как экологию социальную, то воспроизводится экономическая игра с культом капитала и потребления, производством неэкологической продукции, предметов роскоши, проблемами занятости населения на фоне возрастающей имущественной дифференциации – жизнь за чужой счет так и порождает экономический кризис как кризис духовный...

Истоки экологического представления денег как экономической энергии цивилизации и хозяйственной концепции христианства находим и у Симеона Нового Богослова: “*Вещи и деньги в мире являются общими для всех, как свет и воздух, которым мы дышим, и сами пастбища неразумных животных на равнинах и горах. Все, следовательно, было установлено общим, для одного пользования плодами, но по господству (не дано) никому. Однако, страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградями и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользоваться благами Владыки. При этом, эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было. С другой стороны, слуги и рабы этой тиранической страсти становятся не владельцами вещей и денег, полученными ими по наследству, но их дурными рабами и хранителями*”.

² Если же называть богатством “великое богатство грешников” или “добычу”, то грех, как и богатство, становится этически нейтральным понятием. Необходимо осознать: здесь получается этическая нейтральность того, что называется грехом! Противоречащее этически не-нейтральному противоречиво. В таком случае получаем подобие экономического язычества. Именно оно и характеризует жизнь за чужой счет, которая строится на понятии капитала (иллюзии накопления капитала). Характерно, что с точки зрения эсхатологической перспективы хозяйства, мир без денег – это начало нового мира и хозяйства, в котором деньги не управляют людьми. Существование же уникального математического объекта (со свойствами универсальности), эксплицирующего свойства денег и, соответственно, богатства как энергии (для капитала такого объекта не существует) характеризует единство природы: природы человека и окружающего природного мира, энергий социального действия как предвоплощенных энергий творения.

Христианство вселенское – представления о нем в новейшую эпоху связаны с именами Федора Достоевского, Владимира Соловьева, Николая Федорова, Сергея Булгакова, Тейяра де Шардена, Никиты Моисеева, Гурия Марчука и других – возникает как христианство всечеловеческое в соборном творчестве людей – с духовным видением хозяйственной природы мира, экономики духовной. В этом общем для всех видении деньги как этически не-нейтральное богатство, как свободная энергия социального действия, пользуясь словами Достоевского, *уравнивают все неравенства*.

По словам Георгия Флоровского <<“Народный дух” не есть готовая и врожденная величина, но становящаяся...И не роковым рождением он определяется, но подвигом...В подлинных глубинах своих святая Русь есть историческое дело Православия...В жизни Православие было и всегда будет задачей>>...Христианская экономическая наука в своем становлении позволяет осознать, что геоэкологическая соборность человечества – это хозяйственная дорога жизни и ее сохранения для всех нас (с добрым следом на земле каждого из нас), общее дело для народов мира во всечеловечестве. Спасение есть главное действие в соборной общности людей, и только в соборности человечества возникают условия для преодоления игры в “культуру” войны. Соборное сверх-сознание человечества формируется в единстве земного и небесного, материального и духовного: *со всеми и для всех – будучи не за чужой счет добрым – не стремясь управлять сознанием других..*Все это относится к *милости хочу, а не жертвы...*

И, наконец, евангельское *где сокровище ваше, там и сердце ваше...* Ибо жизнь – это не купля и торжище, а *жизнь души*, есть мыслимая нами *жемчужина* доброго хозяйства. И подлинное сокровище (земное и небесное) есть все то, что в этической не-нейтральности своей проходит через человеческое сердце, становясь энергиями добра. Смягченное, простое и искреннее сердце и есть сокровище, наша жемчужина Царствия Небесного.

Мы находим христианское, всечеловеческое в единстве исторических и религиозных смыслов. Духовное осознание основополагающей для судеб мира Победы в Великой Отечественной войне помогает нам найти эту хозяйственную дорогу жизни во всечеловечестве. Принципы организации подлинно народной экономики того времени позволили одержать экономическую Победу. Наш исторический опыт увит тому, что *Спасение совершается без стремления к вознаграждению* и без упоминания интересов: когда национальные интересы выражаются как интересы всечеловеческие, то само слово “интерес” уже выражает не собственно “интерес”, а *общее дело, совершаемое со всеми и для всех*. Мы должны хорошо, с духовным осознанием помнить, кем были простые, самоотверженные солдаты Великой Отечественной и труженики тыла, во имя чего они жили и погибали, защищая Отечество и жизнь, сохраняя человеческое в человеке. Исполнение долга памяти и воскрешения перед нашими отцами и дедами – в соборной культуре сохранения жизни и миротворчества. Их бессмертие – в единении жизни и милости, из которой творится мир каждое мгновение во имя воскресения жизни. Ольга Константиновна Кожухова, писательница из замечательной плеяды писателей-фронтовиков, выразила это прямо и откровенно: <<**Наше счастье окуплено кровью многих людей. Мы должны это помнить. Забвение есть беспечность**>>... и ее слова о павшем Солдате –“... *отдал другим не только свою жизнь, но и что-то еще, куда больше жизни, взамен уже больше не требуя ничего.*>>

